

**О происхождении вербального смешного/комического
и о тенденциях в истории смеха
(по данным языка и паремиологии)**

1. Комическое содержание в художественном тексте распределено по разным уровням его семиотической организации и носит кумулятивный (накопительный и объединяющий) характер. В феномене вербального смешного (в жизни) или комического (в искусстве слова – фольклоре и литературе, в театре, кино и др.) существенна оппозиция двух семиотических уровней, на которых «смешное» генерируется: 1) семиотика языка/речи (языковой уровень); 2) семиотика искусства слова (литературно-художественный уровень). На уровне языка/речи важно различать, с одной стороны, узуальные (языковые) коннотации иронии, шутливости, насмешки, представленные в плане содержания слов и фразем, а с другой стороны, окказиональные (индивидуально-авторские, речевые) значения смешного, возникающие при переносно-образном, каламбурном или ином преобразующем употреблении говорящими слов и фразем. В использующих язык искусства комическое создается на всех семиотических уровнях (образующих соответствующую семиотику) – начиная от первого, т. е. языкового уровня (поскольку язык, как известно, есть «первозлемент литературы»), и далее на более сложных и содержательных уровнях семиотики искусства слова – таких как способ общения автора и читателя (эпос, драма или лирика; мелодекламация, стихи или проза); характер конфликта, фабула, интрига и сюжетная организация произведения; состав персонажей; речь «от автора» и коммуникативная партитура реплик персонажей (их прямой речи); панорама развертываемых автором картин жизни; композиция произведения. Эти разноуровневые элементы комического некоторым образом объединяются; однако не очень понятно, как именно происходит эта аккумуляция разноуровневых коннотаций и смысловых компонентов комизма; вполне возможно, накопление комизма в конкретных произведениях происходит по-разному.

2. Непосредственно к языковому уровню примыкает (однако находится за пределами языка) уровень однофразовых текстов, обладающих признаками идиоматичности (в терминах литературоведения – искусности или выразительности). В общесемиотическом плане этот уровень может быть назван паремиологическим, или афористическим, если понимать оба термина широко и как бы объединить объемы соответствующих понятий (чему есть достаточно оснований в филологической и фольклористической традициях). В однофразовых текстах с комическим компонентом значительную часть их идиоматичности («искусности») образует именно комическое.

Генерация «искусного» вообще и комического в частности с использованием возможностей литературно-художественных средств отнюдь не ограничена сферой литературной работы, но присутствует в повседневном общении в той мере, в какой в речевом обиходе представлены проявления «поэтической функции» языка/речи (в терминологии Р. О. Якобсона). Однофразовые искусные тексты всегда

и были областью самого массового художественного творчества – и в столетия «классического» фольклора (устного творчества «простого народа»), и в наши дни. Паремии и афоризмы, в том числе комического характера, постоянно присутствуют в повседневной коммуникации народа, однако они относительно редко попадают в поле зрения исследователей. В силу процессов социально-культурной гомогенизации общества, современная филология, в отличие от диалектологии и фольклористики XIX в. и первых десятилетий XX в., отнюдь не склонна видеть в живой разговорной речи и городском фольклоре истоки и корни «народного духа», поэтому коллекции современных паремий и афоризмов заметно уступают пословичным собраниям братьев Гримм, Вука Караджича, В. И. Даля, Михала Федоровского.

3. Комическое кумулятивное содержание паремий и афоризмов создается на двух вербальных уровнях – языковом и надязыковом. На первом уровне представлены те или иные комические коннотации, которые узואльно присущи некоторым словам и фраземам или окказионально созданы на первом (языковом) уровне; на втором (паремиологическом) уровне в комическое содержание рассматриваемых текстов включаются те или иные компоненты комизма, созданные автором произведения, а именно: смысловая понижающая двуплановость (образность) высказывания; ироничность; парадоксальность; метаязыковая понижающая рефлексивность; логическая усложненность в сочетании с лексико-синтаксической неэксплицированностью передаваемой логики.

4. Вербальное смешное и комическое в своем генезисе не имеют собственно языковой семантической основы (в отличие от таких семиотических феноменов, как эпос, лирика, драма; стихи; «рассказчик» (нарратор), свободный косвенный дискурс и др.). По данным этологии и этнологии (М. А. Бутовская, А. Г. Козинцев), биологические истоки смеха и улыбки амбивалентны: в поведении приматов мимические и звуковые аналоги смеха и улыбки служили тому, чтобы задобрить агрессора и смягчить собственную агрессивность; выразить и покорность и готовность к сопротивлению. Если эпос, драма и лирика – с внешней (вербальной) стороны имеют именно речевое происхождение и опираются на универсальные в языках мира семантические категории (эпос восходит к рассказу о событиях «от 3-го лица», драма – к групповому ритуалу с вербальным компонентом, лирика – к вербальному самовыражению говорящего «от 1-го лица»), то смех не имеет опоры в языковой семантике. Узואльные оценочные коннотации слов и фразем (на которые словари намекают с помощью помет «шутливо», «иронически») легкие, эфемерные (поэтому лексикографы их не всегда улавливают) – это лишь слабый отблеск смешных ситуаций и производных от них насмешливых контекстов. В устном выражении смешного роль интонации и мимики, т. е. паралингвистических аккомпанементов речи, несравненно более значительна, чем роль слов и фразем.

5. В генезисе смешного вербальные (речевые) средства его осознания, закрепления и продуцирования формируются существенно позже, чем узואльная оценка в качестве «смешного» некоторых типичных бытовых ситуаций (и их представления в вербальных искусствах). Так, в комедии дель арте смех над побиваемым или грубо обманутым отрицательным персонажем, как и фольклорные «нелепицы» (*Ехала деревня мимо мужика; Вдруг из-под собаки лают ворота*), как и «потешки» детского фольклора, появляются намного раньше иронических и шутливых

реприз и паремий, в особенности тех из них, в которых смешное связано с возможностями именно речи (а не литературы).

6. В истории коммуникации, в особенности в XIX–XXI вв., происходит экспансия вербального смешного и комического в разные области повседневного и устного служебного общения и в вербальные искусства (в ущерб серьезному, назидательному, пафосному). Указанная тенденция особенно отчетливо проявляется в эволюции жанра паремии (афоризма).

Л. П. Михайлова
Петрозаводск

Преобразованный анлаут и этимологизация диалектного слова

В составе севернорусской диалектной лексики обнаруживаются слова с одинаковой семантикой, анлаут которых несколько различен. Это могут быть слова с одним или двумя согласными (типа *ладби́шка* – *гладби́шка*), начальным *о-*, *а-*, *ва-* (*ва́корь* – *а́корье* – *ко́рень*) и др. Рассмотрение этимологии первых лексем среди указанных непосредственно связано с последующими. Ориентиром является наличие родственных слов в литературном языке и диалектах, тип ареала. Как правило, особенности анлаута имеют слова, обладающие точечным ареалом.

Изолированное положение слова с измененным анлаутом, приводящее часто к отрыву его от исконного корневого гнезда, затрудняет поиск этимологии. Мена согласных звуков, известная севернорусским говорам и закрепившаяся в топонимии [см.: Матвеев, 2001, 127–129], помогает определить исходное слово. Лексема *барза́ться* ‘возиться, иметь дело с кем-, чем-н.’ Леш. [АОС, 1, 113] имеет в анлауте *б* в соответствии с исконным *в*, ср. *варза́ться* ‘тратить время, занимаясь каким-н. хлопотливым делом’ В.-Т., Карг., Леш., Мез., Онеж., Холм. [АОС, 2, 47], ‘заниматься каким-л. хлопотливым делом, возиться с кем-, чем-л.’ Арх.: В.-Т.; Влг.: Череп., *ва́рзаться* ‘то же’ Арх.: Уст.; Влг.: Устюж. [СГРС, 2, 27], в близких значениях также Нижегород., Яросл., Сев.-Двин., Пск. [СРНГ, 4, 53] и др. Аналогичная ситуация с *д* в анлауте вместо *г*: *дала́нка* ‘брюква’ Влг.: М.-Реч. [СГРС, 3, 175], ср. *гола́нка* ‘то же’ Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Уст.; Влг.: В.-Важ., Вож., В.-Уст., Ник., Нюкс., Сямж., Тарн., Хар. [СГРС, 3, 66]. Наблюдается и лексикализация *б* в соответствии с *г*: *блухо́й* ‘плохо слышащий, глухой’ Перм.: Караг. [СПГ, 1, 42], Арх.: Красн. [АОС, 2, 35], ср. *глухо́й*; *блужи́ка* ‘береза с негладкими, шершавыми листьями’ Перм.: Сив. [СПГ, 1, 42], ср. *глуши́на* ‘порода березы с шершавым листом, не годная на банные веники’ Олон., Пск. [СРНГ, 6, 218], *глуши́ник* ‘береза с шершавыми листьями, не годная на банные веники’ Перм.: Бер. [СПГ, 1, 164]; *блухомя́тка* ‘глухой чело-век’ Арх.: В.-Т. [СГРС, 1, 120], ср. *глухомя́тка* ‘то же’ Кирил. [СРГК, 1, 341].

Процесс упрощения группы согласных в начале слова, обусловленный влиянием соседних прибалтийско-финских или других финно-угорских языков [см.: